

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОШИБОК В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Геннадий ФОРТУНА

Молдавский государственный университет

Целью научного исследования являлось четкое определение понятия ошибки в уголовном праве, систематизация таковой, а также формулирование выводов и рекомендаций доктринального и законодательного характера. В рамках предпринятого анализа исследованы различные точки зрения применительно к определению категории ошибки в уголовном праве. Автор исследовал категорию ошибки в ретроспективе, обращая внимание на наиболее спорные вопросы и настаивая на том, что ошибка есть неверное знание, сформированное под воздействием заблуждения об объективных и субъективных признаках вредоносного деяния, в том числе об обстоятельствах, исключающих вредоносность такового. В процессе систематизации ошибки автор исследовал классификации, предложенные различными правоведами. В результате осуществленного исследования сформулировано авторское определение ошибки, а также доказана необходимость дополнения Общей части Уголовного кодекса Республики Молдова уголовно-правовыми нормами, определяющими понятие юридической и фактической ошибки.

Ключевые слова: ошибка в уголовном праве, юридическая ошибка, фактическая ошибка, неверное знание, неверная оценка, заблуждение, неведение обстоятельств, ошибочное представление.

CONCEPTUL ȘI TIPURILE ERORILOR ÎN DREPTUL PENAL

Scopul prezentului demers științific constă în definitivarea certă a conceptului de eroare în dreptul penal, în sistematizarea acesteia, precum și în formularea concluziilor și a recomandărilor cu caracter doctrinar și legislativ. În cadrul analizei efectuate sunt cercetate diferite opinii doctrinare referitoare la fundamentarea conceptului de eroare în dreptul penal. Autorul cercetează categoria de eroare în retrospectivă, accentuând cele mai discutabile aspecte. În opinia autorului, eroarea reprezintă o cunoaștere incorectă formată sub imperiul inducerii sale în eroare privind semnele obiective și subiective ale faptei prejudiciabile, precum și despre cauzele care înlătură caracterul penal al faptei. În procesul de sistematizare a erorii, autorul supune unei examinări minuțioase diferite clasificări propuse în doctrină. În urma investigației întreprinse este formulată definiția proprie a erorii, totodată este demonstrată necesitatea completării Părții Generale a Codului penal al Republicii Moldova cu norme juridico-penale care ar defini noțiunea erorii de drept și de fapt.

Cuvinte-cheie: eroare în dreptul penal, eroare de drept, eroare de fapt, cunoaștere incorectă, apreciere incorectă, greșeală, necunoaștere a împrejurărilor, reprezentare eronată.

THE CONCEPT AND TYPES OF MISTAKE IN THE SUBSTANTIVE CRIMINAL LAW

The purpose of the present scientific research consists in the certain definition of mistake in the Substantive Criminal Law, systematization of mistakes and the formulation of necessary scientific and legislative conclusions. In the realm of this study there were analyzed different points of view concerning the definition of the mistake in the Substantive Criminal Law. The author examines the category of mistake in a retrospective approach, pointing on the most disputable questions, being determined that mistake represents an incorrect knowledge formed under influence of the erroneous belief about the objective and the subjective items of the harmful act, inclusive about the causes which exclude the harmfulness of the act. During the process of systematization there were examined various classifications which have been suggested by different scientific workers. As a result, there was formulated the definition of the mistake and there have been proved the necessity of introduction of several new articles regarding the mistake in fact and mistake in law in the content of the General part of the Criminal code of the Republic of Moldova.

Keywords: mistake in the Substantive Criminal Law, mistake in law, mistake in fact, incorrect knowledge, incorrect appreciation, erroneous belief, the lack of knowledge about the surroundings, mistaken comprehension.

Наиболее дискуссионным в современном уголовном праве всегда являлся вопрос о субъективной стороне преступления, весьма противоречиво рассматриваемый наукой уголовного права, что вызывает массу трудностей в обосновании пределов уголовной ответственности, а также в квалификации преступлений. Наибольшие затруднения возникают при исследовании вопроса об ошибке субъекта преступления.

Принцип субъективного вменения предполагает вменение виновному только тех обстоятельств совершенного преступления, которые им осознавались. Причем ответственность исключается именно за то преступление, наличие фактических признаков которого не осознавалось субъектом, однако не наказуемость за умышленное преступление в этом случае не всегда предполагает автоматическое освобождение от уголовной ответственности.

В уголовном законодательстве большинства зарубежных стран применяется алгоритм привлечения виновного к ответственности при допущенной ошибке за неосторожное причинение вреда, если содеянное содержит признаки неосторожного преступления. В иных случаях уголовная ответственность лица при фактической ошибке исключается.

При совершении преступных деяний лицо может ошибаться в тех или иных его обстоятельствах, и допускаемая ошибка может существенным образом влиять на содержание вины, а значит – и на пределы уголовной ответственности. В частности, наличие ошибки может весьма существенно повлиять на квалификацию совершенного деяния, так как охватывается признаками субъективной стороны преступления, определяя характер и содержание интеллектуальных и волевых процессов.

В этом смысле основательной представляется позиция некоторых правоведов, справедливо признающих, что ошибка есть прежде всего психическое отношение лица к своему деянию и его общественно опасным последствиям. Так, по З.Г. Алиеву, *ошибка означает психическое отношение лица к своему поведению и его последствиям, имеющее в интеллектуальном и (или) волевом моменте порок, обусловленный заблуждением относительно положений уголовного закона, касающихся преступности деяния, а также объективных свойств, относящихся к элементам состава преступления, либо обстоятельств, исключающих преступность деяния* [1, с.6].

В уголовно-правовой литературе [5, с.347; 6, с.5] предлагались различные определения ошибки:

- (1) заблуждение лица относительно фактических и юридических признаков содеянного;
- (2) неверное, неправильное представление (знание) лица о фактических и юридических признаках или свойствах совершенного деяния и его последствий;
- (3) неверная оценка лицом своего поведения;
- (4) заблуждение лица относительно объективных и субъективных признаков вредоносного деяния, характеризующих это деяние как преступление;
- (5) заблуждение лица относительно характера и степени общественной опасности совершаемого деяния и его уголовной противоправности.

Различия в подходах заключаются в выборе исследователями того или иного ключевого слова, наиболее точно, по их мнению, передающего суть фактической ошибки. При всех терминологических различиях все эти определения достаточно полно и верно раскрывают понятие ошибки.

Вместе с тем, думается, что *ошибка* представляет собой неправильную оценку лицом, совершающим преступление, своего поведения, фактических обстоятельств содеянного, последствий, условий его противоправности и пр. С этимологической точки зрения термин «ошибка» означает «*неправильное действие*», «*неправильные мысли*» [6, с.8]. При характеристике вины как психического отношения виновного лица к деянию и его последствиям центральными категориями являются *сознание* и *воля*.

Уголовное право интересуется такая ошибка в сознании виновного, которая при мобилизации воли на совершение деяния приводит к неверному результату. В этом контексте правовед З.Г. Алиев указывает: «*При ошибке порок в интеллектуальном моменте состоит в том, что лицо в силу заблуждения либо неспособно правильно осознать свое поведение и предвидеть его последствия, либо хотя и способно осознать свое поведение, но неспособно предвидеть последствия, либо такое лицо предвидит иные последствия, которые объективно не могут наступить. В волевом моменте порок при ошибке состоит в неправильном направлении умственных и физических усилий на достижение поставленных целей (неправильный выбор и неправильное осуществление определенного варианта поведения)*» [1, с.5].

Считаем, что *ошибка есть неверное знание, сформированное под воздействием заблуждения об объективных и субъективных признаках вредоносного деяния, в том числе об обстоятельствах, исключающих вредоносность такового.*

По поводу механизма деятельности сознания следует исходить из общего учения о деятельности сознания, разработанного философией.

С гносеологической точки зрения понятия «ошибка» и «заблуждение» нетождественны. Так, *заблуждение* – это неадекватное представление, понимание действительности, имеющее для субъекта познания видимость истинного знания. Выявление заблуждения осуществляется посредством преодоления видимости его истинности. Непосредственное основание этого – установление содержательного противоречия между наличным знанием и действительностью, разрешение которого требует качественного преобразования этого знания, отрицания предпосылок и определений предмета, принима-

емых в качестве истинных. Заблуждение наряду с преднамеренной ложью образует *ложное знание* (искажение истинной действительности в знании).

В уголовном праве заблуждение проявляется в неправильной интерпретации либо неправильной оценке субъектом преступления положений уголовного закона, а также объективных свойств, относящихся к элементам состава преступления, либо обстоятельств, исключающих преступность деяния. Так, по мнению З.Г. Алиева, *заблуждение выступает как неправильная мыслительная деятельность, связанная с совершением преступления, и является следствием порока в интеллектуальном и (или) волевом моментах* [1, с.6].

В отличие от заблуждения, *ошибку* следует понимать как *неверное знание о тех явлениях действительности, которые известны объективно*. Причины же ошибки в основном субъективны, что и отражается на уголовно-правовом ее значении. Следует отметить, что ошибку отличает осознанность, то есть способность и возможность предвидения (правильного, верного представления) лицом цепочки развития событий (их последовательности), а также их окончательной оценки (как изменятся общественные отношения при воздействии на них). При ошибке субъект действует на основании неверного знания ввиду заблуждения (неверного представления и оценки), и поставленная им задача не выполняется.

По мнению некоторых ученых, возможность допущения ошибки изначально заложена в человеческом сознании, поскольку процесс восприятия с участием памяти полностью обуславливает человеческое сознание, делая его всего лишь механическим отражателем реальности [2, с.16].

Существование ошибки обусловлено тем, что сознание представляет собой отражение действительности, ее образ, а всякий образ несёт отпечаток как того, что в нем отражается, так и того материала, на котором снимок отпечатывается, и свойств того аппарата, которым он сделан, поэтому в процессе деятельности сознания особое значение имеют различные психологические установки, ориентации лица, налагаемые его общественным положением, а также прошлым жизненным опытом. Проявление ошибки вовне связано с течением психических процессов в сознании конкретного индивида, которые обусловлены в том числе режимом функционирования психики.

В качестве одного из первых зафиксированных моментов начала осознания понятия «*ошибки*» как социально-правового феномена следует рассматривать положения законодательства Моисея, в котором упоминалось совершение греховного поступка «*по неведению*» и «*по недосмотру*». Начало процесса формализации уголовно-правовой ошибки связывается с древнегреческим правом, впервые установившим случаи признания убийства ненаказуемым (например, убийство «*по ошибке согражданина на войне*», убийство «*при помощи неправильного врачевания*»). Последующее развитие понятия ошибки как юридического феномена связывается с трудами древнегреческих мыслителей и древнеримских юристов [3, с.15].

Впервые систематизировал ошибки (называя их чаще «*логическими пороками софистических рассуждений*») древнегреческий мыслитель Аристотель (384 – 322 гг. до н.э.), посвятивший этому вопросу трактат «О софистических опровержениях», примыкающий к «Топике» и составляющий ее IX книгу. Основанием логических пороков, или ошибок, Аристотель считал неправильное применение словесных выражений либо нарушение правил логических операций. Уже в то время ученый проследил связь порока, или ошибки, с психической деятельностью индивида, происходящей в его сознании [6, с.7].

Проблема ошибки подробно изучалась римским частным правом, регулирующим отношения между частными лицами в пределах Римской империи. Римляне не разработали общую теорию ошибки, а рассматривали каждый случай в отдельности. Римское частное право устанавливало, что «*под ошибкой понимается расхождение между волей и ее выражением (error in potine) или между манифестированной волей и надлежащим интересом, вызванное неосведомленностью субъекта об обстоятельствах дела*». Именно из приведенного определения можно вычленить основу понятия ошибки, которую составляет незнание об обстоятельствах дела на основе заблуждения [6, с.7].

Несоответствие предположения и действительности может проистекать или от незнания данным лицом фактических условий деятельности, от недостатка представлений, соответствующих действительности, – неведения в узком смысле, или от неправильного представления обстановки – заблуждения; но как неведение, так и заблуждение подходят под одно родовое понятие – ошибки (*error, irritum*), так как их общий результат – отсутствие осознания действительности.

Н.С. Таганцев пояснял: *«Причина неведения или заблуждения может лежать исключительно в самом действующем, в условиях его психической деятельности, может быть последствием его темперамента, степени развития, состояния возбужденности и т.п., или же этой причиной могут быть другие лица, действовавшие, в свою очередь, или бессознательно, или же сознательно и даже намеренно; так что заблуждение может происходить или от случайной ошибки, или от обмана; но и это различие не имеет практической важности; тот, кто дает другому мышьяк, предполагая, что в банке, из которой он его берет, насыпана магнезия, находится в таком же фактическом заблуждении, как и тот, кто дал больному под видом лекарства яд, присланный по ошибке из аптеки»* [4, с.232].

Во всяком случае, и неведение, и заблуждение предполагают отсутствие осознания действительности; поэтому к ним не могут быть приравняемы случаи сомнения в свойствах совершаемого, когда предполагаемое и выполненное оказались сходными друг с другом, но действовавший в момент действия не был только уверен, сомневался в достоверности своих предположений.

Крайне интересными представляются установления об ошибке, встречаемые в российском Уложении 1845 года. В статье 98 Первого Отделения (О определении наказаний вообще и обстоятельствах, при коих содеянное не вменяется в вину) изложены причины, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину:

- (1) *Совершенная невиновность того деяния, коего случайным и непредвиденным последствием было сделано зло;*
- (2) *Малолетство в таком возрасте, когда подсудимый еще не имеет понятия о свойстве деяния;*
- (3) *Безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство;*
- (4) *Ошибка случайная или вследствие обмана;*
- (5) *Принуждение от превосходящей непреодолимой силы;*
- (6) *Необходимость обороны* [7, с.31-32].

В статье 99 говорилось: *«Зло, последовавшее случайно и непреодолимо, не вменяется содеянному в вину. Если однакож деяние, от коего последовало сие зло, было само по себе противозаконное, то он подвергается наказанию, но лишь за то, что был намерен учинить. Сверх сего, в некоторых, законом определенных случаях, для успокоения совести, он предается церковному покаянию»* [7, с.32].

Относительно неведения запрещенности Уложение 1845 года никаких постановлений не содержало. В то же время В.С. Таганцев в своих трудах, упоминая данное Уложение, пояснял нижеследующее: *«Неведение обстоятельства, которым обуславливается преступность деяния или которое усиливает ответственность, устраняет вменение оно в вину; при неосторожных деяниях правило это не применяется, коль скоро само неведение произошло от небрежности виновного»* [4, с.231]. Аналогичный подход был воспринят современным законодательством и уголовно-правовой доктриной, также строго отделяющей фактическое и юридическое заблуждение.

На сегодняшний день в действующем Уголовном кодексе Республики Молдова отсутствует норма, определяющая ошибку, хотя предложение о включении самостоятельной статьи в УК представляется вполне целесообразным.

Заслуживает внимания в этом смысле законодательная инициатива, имевшая место еще в 1995 году в Российской Федерации. Так, при обсуждении проекта нового Уголовного кодекса Российской Федерации группа правоведов ратовала за внесение самостоятельной статьи 29 *«Ошибка в уголовно-правовом запрете»* нижеследующего содержания:

«(1) Если лицо не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать, что совершаемое им общественно опасное деяние запрещено уголовным законом под угрозой наказания, такое деяние признается совершенным невиновно и в силу этого лицо не подлежит уголовной ответственности.

(2) Если лицо не осознавало, что совершаемое им деяние как общественно опасное запрещено законом под угрозой наказания, но по обстоятельствам дела должно было и могло это осознавать, такое лицо подлежит уголовной ответственности за совершение преступления по неосторожности в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего кодекса» [5, с.348].

Следует отметить, что эта статья все же не была включена в уголовный закон Российской Федерации. Правовед И.М. Тяжкова высказывалась вполне категорично: *«Эта статья не была включена вполне обоснованно, так как в ней по существу раскрывалось не понятие ошибки, а понятие невиновного причинения вреда. Положения этой статьи, сформулированные более точно и удачно, вошли в ст.28 действующего УК как признаки невиновного причинения вреда (случая)»* [5, с.348].

Вместе с тем, цитируемый автор формулирует свое одобрительное отношение к введению в уголовный закон статьи, которая бы регламентировала условия освобождения от ответственности или смягчения ответственности при наличии ошибки.

В дополнение к вышесказанному, в уголовно-правовой литературе высказывались уместные предложения о необходимости дополнения уголовного закона рядом норм следующего содержания:

«Если лицо, совершая предусмотренное уголовным законом деяние, добросовестно заблуждалось в отношении его противоправности, оно не подлежит уголовной ответственности. Заблуждение признается добросовестным, когда с учетом всех обстоятельств содеянного лицо не могло знать о его противоправности

Если лицо, совершая предусмотренное уголовным законом деяние, заблуждается в отношении конструктивных, ограничительных или квалифицирующих обстоятельств состава преступления, то вопрос об уголовной ответственности решается на основании и в пределах ошибочных намерений.

Если лицо, совершая предусмотренное законом деяние, заблуждается в отношении обстоятельств,отягчающих наказание, то вопрос об их вменении решается с учетом ошибочных намерений лица» [5, с.349].

Учитывая, что уголовный закон не допускает расширительного толкования, абсолютно оправданы опасения применительно к жизнеспособности формулировки понятия и признаков *«ошибочных намерений»*, а также их пределов.

Применительно к **классификации ошибок** в уголовно-правовой литературе предлагались различные критерии. Так, одни авторы выделяли ошибки в отношении:

- (1) общественной опасности деяния;
- (2) обстоятельств, являющихся элементами состава преступления;
- (3) юридических факторов (ошибки в праве) (В.Ф. Кириченко, Цит.по: [5, с.350]).

Другие классифицировали ошибки по следующим основаниям:

- по предмету (юридическая и фактическая);
- по причинам возникновения (извинительная и неизвинительная);
- по социально-психологической природе (виновная и невиновная) (П.С. Дагель, Д.П. Котов. Цит по: [5, с.350]).

Наряду с общепризнанной классификацией ошибок на юридические и фактические, правовед З.Г. Алиев предлагает и обосновывает дополнительную классификацию ошибок, позволяющую дифференцировать правила квалификации, подлежащие включению в уголовный закон, и правила, требующие лишь доктринального рассмотрения. В связи с чем он выделяет:

- (1) ошибки, имеющие правоприменительное значение. К таковым следует относить юридическую ошибку относительно непреступности деяния и фактическую ошибку;
- (2) ошибки, не имеющие правоприменительного значения. К ошибкам, не имеющим правоприменительного значения, следует относить лишь юридическую ошибку относительно уголовно-правовой квалификации и возможного наказания, так как она не влияет на наступление уголовной ответственности и, следовательно, не носит практического характера [1, с.6].

В римском частном праве ошибки делились на два основных вида – **юридическую** и **фактическую**, в зависимости от того, какие обстоятельства (юридические или же фактические) неверно представлены в сознании субъекта. Упоминания о данном обстоятельстве мы находим у Н.С. Таганцева [4, с.231] и М.Б. Фаткуллиной [6, с.10-11]. В частности, Н.С. Таганцев в одном из своих исследований отсылает нас к римскому праву, постановления которого служили основанием для решения данного вопроса. Так, автор подчеркивает: *«Безнаказанность признается не только в случаях неведения и заблуждения относительно фактических обстоятельств, но и при заблуждении касательно конкретных юридических отношений и даже правовых норм, но от этого неведения оно [т.е. римское право] резко отдаляло ссылку на неведение запрещенности совершенного, постоянно проводя то начало, что незнание закона всегда вредит и не может служить для оправдания. Однако из этого сурового принципа римское право со свойственным ему юридическим тактом допускало изъятия для таких лиц, которые не имели возможности ознакомления с законом»* [4, с.231].

Впоследствии Н.С. Таганцев рассматривает по-отдельности **фактическую** и **юридическую** ошибки. По мнению правоведа, в обоих случаях действующий ошибочно предполагает, что учиненное им не

составляет преступного деяния, но ошибка его различна: или он ошибочно предполагает, что учиненное не содержит в себе тех условий, которые требуются для бытия преступного деяния, – ошибка относительно наличия условий преступного деяния, или *ошибка фактическая*; или же он ошибочно предполагает, что учиненное не относится к категории преступных деяний, ошибается относительно его запрещенности, – *ошибка юридическая* [4, с.232].

В уголовно-правовой литературе *юридическая ошибка* определяется как неправильное представление лица о правовой сущности или правовых последствиях совершаемого им деяния; иногда такой вид ошибки называют ошибкой в праве [5, с.350].

По общему правилу, юридическая ошибка может выражаться, прежде всего, в неправильном представлении лица о преступности или не преступности своего деяния.

Правовед З.Г. Алиев выделяет два вида юридической ошибки относительно преступности деяния:

- 1) юридическую ошибку относительно собственно преступности деяния;
- 2) юридическую ошибку относительно не преступности деяния [1, с.11].

В свою очередь, М.Б. Фаткуллина определяет *юридическую ошибку* как неверное знание, полученное лицом под влиянием заблуждения относительно юридических обстоятельств совершаемого им деяния [6, с.11].

По мнению цитируемого автора, юридическую ошибку можно классифицировать по двум основаниям:

- (1) *Ошибка относительно общественной опасности и уголовной противоправности совершаемого деяния*: а) негативная ошибка (когда лицо предполагает, что совершаемое им деяние не обладает признаками общественной опасности и уголовной противоправности, а на самом деле содеянное является преступлением); б) позитивная ошибка (когда лицо предполагает, что совершает общественно опасное и уголовно противоправное деяние, хотя в действительности оно таковым не является).
- (2) *Ошибка относительно уголовно-правовой квалификации и наказуемости деяния* [6, с.11].

При *негативной юридической ошибке* лицо предполагает, что совершаемое им деяние не обладает признаками вредности и уголовной противоправности, а на самом деле содеянное является преступлением.

Основной юридический документ римского частного права – Законы Двенадцати таблиц – был выставлен на форуме на двенадцати досках на всеобщее обозрение. Именно такое обстоятельство послужило основанием для формирования принципа «*незнание права (правового предписания) вредит любому*». Как следствие, в римском праве позднее появилась аксиома – *незнание закона не исключает ответственности* – *ignorantia juris semper hocet* (лат.). Данная синтагма относится к первому веку до н.э. [6, с.11-12]. И сегодня для многих остается неизменным постулат *ignorantia legis neminem excusat* («незнание закона не освобождает от ответственности»), твердо укоренившийся в качестве положения о том, что ссылка на неведение закона никогда не может иметь оправдательного значения. Именно данное правило лежит в основе презумпции знания закона.

В данном контексте юрист М.Б. Фаткуллина предлагает собственную формулировку статьи о негативной юридической ошибке относительно отсутствия общественной опасности и уголовной противоправности деяния: «*Незнание общественной опасности и уголовной противоправности деяния исключает вину в случае, если лицо не могло знать о существовании уголовно-правового запрета, заблуждаясь добросовестно*». [6, с.14]

Правовед З.Г. Алиев обосновывает невозможность привлечения в исключительных случаях к уголовной ответственности лица ввиду отсутствия вины, добросовестно заблуждающегося относительно наличия тех уголовно-правовых запретов, вредность которых не является очевидной (например, иностранный гражданин прибыл в страну, где в отличие от страны его проживания совершенно иной политический строй, религиозные обычаи, социально-экономическая формация). Однако в данном случае, по мнению цитируемого автора, юридическая ошибка является лишь условием, а непосредственно причиной непривлечения такого лица к уголовной ответственности является отсутствие вины [1, с.6-7].

К добросовестному заблуждению М.Б. Фаткуллина относит случаи, когда лицо не могло знать о существовании уголовно-правового запрета, а основанием этого могли послужить следующие обстоятельства (альтернативно либо в совокупности):

- лицо обладает особыми психофизиологическими, социальными и иными признаками (например, отстает в психическом развитии, либо субъект проживает в местности, значительно отдаленной от цивилизации);

ленной от развитых социально-экономических территорий государства; иностранный гражданин, только что прибывший на территорию государства и т.д.);

- не опубликован вступивший в законную силу уголовный закон или он не доведен другим способом до сведения граждан;
- ошибочно официальное толкование уголовного закона;
- криминализация деяния произошла незадолго до его совершения;
- произошло изменение нормативных актов других отраслей права (появились новые правила, нормы, инструкции), нарушение которых образует основу преступлений с бланкетными диспозициями, при этом субъект не ознакомлен и не имел возможности ознакомиться с новыми правилами (нормами, инструкциями), которые изменили содержание уголовно-правового запрета [6, с.13-14].

Солидаризируясь во мнении с цитируемым автором, полагаем, что при установлении того обстоятельства, что лицо, совершающее вредоносное и уголовно противоправное деяние, действительно не могло знать о существовании уголовно-правового запрета, его уголовная ответственность исключается, в противном случае данный вид ошибки должен учитываться судом как смягчающее уголовную ответственность обстоятельство.

Презумпция «незнание закона не освобождает от уголовной ответственности» является фикцией, которая формулируется из следующего: все не знают и не могут знать всех законов, учитывая их количество и частоту изменения актов, а также их сложность и неопределенность. Чтобы применять законы, необходимо исходить из предпосылки, что законы, в том числе и законы уголовно-правового характера, известны всем, у кого была возможность узнать их содержание, поэтому знание всеми опубликованных законов считается фактом. То, что знание закона может быть опровергнуто, не противоречит данному пониманию. В этом смысле правовед З.Г. Алиев уточняет: «*Опровергается не знание закона, а наличие возможности его знать*» [1, с.13]. Такая возможность в большинстве случаев действительно реальна и является опровержимой презумпцией. Иными словами, презумпция знания закона означает возможность знать закон, знание же закона (как реализация данной возможности на практике) является фикцией.

Для практических работников может возникнуть проблема доказывания того, что у лица была реальная возможность ознакомиться с нормами закона, поэтому предлагаем исходить из того, что если вина лица в том, что у него была возможность узнать о существовании запрета, не доказана, уголовная ответственность исключается.

При *позитивной юридической ошибке* лицо неверно оценивает совершаемое деяние как преступление, заблуждаясь в его вредоносности и уголовной противоправности, в то время как уголовный закон не криминализирует указанное деяние. Такое деяние является безразличным для уголовного права и считается преступным лишь с точки зрения «мнимого преступника», его субъективного восприятия. «Мнимое преступление» уголовной ответственности не влечет.

Другой вид юридической ошибки, а именно в квалификации преступления, М.Б. Фаткуллина предлагает именовать *ошибкой относительно юридической значимости обстоятельств, предусматривающих наличие либо отсутствие в деянии лица состава преступления с большей или меньшей мерой уголовной ответственности* [6, с.14-15].

Цитируемый автор выделяет две формы такой ошибки: «*мнимую идеальную совокупность*» и «*мнимую реальную совокупность*», предлагая дополнить уголовный закон самостоятельной статьей нижеследующего содержания:

«Юридическая ошибка – это неверное знание, полученное лицом под влиянием заблуждения относительно юридических обстоятельств совершаемого им деяния.

Незнание общественной опасности и уголовной противоправности деяния исключает вину в случае, если лицо не могло знать о существовании уголовно-правового запрета, заблуждаясь добросовестно.

Юридическая ошибка в квалификации и наказуемости не влияет на уголовную ответственность» [6, с.14-15].

В свою очередь, юрист З.Г. Алиев поясняет, что в уголовный закон должна быть введена норма нижеследующего содержания:

«Деяние лица, добросовестно заблуждавшегося относительно наличия уголовно-правовых запретов, общественная опасность которых не является очевидной, исключает уголовную ответственность ввиду отсутствия вины» [1, с.7].

Следующим видом ошибки следует считать ошибку лица относительно *фактических обстоятельств* совершаемого им деяния, являющихся элементами состава преступления. Речь идет о двух элементах – *объекте* и *объективной стороне* состава преступления.

Российский правовед Л.Э. Спиридонова определяет фактическую ошибку как *заблуждение лица в обстоятельствах, образующих объективные признаки преступления, либо в обстоятельствах, включающих преступность деяния* [3, с.8]. В свою очередь М.Б. Фаткуллина определяет фактическую ошибку как *неверное знание, полученное лицом под влиянием заблуждения относительно объективных признаков состава преступления* [6, с.15].

По нашему мнению, определение М.Б. Фаткуллиной является целесообразным и уместным, так как заблуждение не есть результат, а лишь предпосылка формирования неверного знания у лица под воздействием такого знания.

В уголовно-правовой доктрине поясняется, что фактическая ошибка бывает двух видов:

ошибка, оказывающая влияние на уголовно-правовую квалификацию;

и ошибка, не оказывающая влияния на уголовно-правовую квалификацию [6, с.5-6].

Вместе с тем, фактической ошибке свойственны следующие особенности.

- (1) Обусловленность допущенного неверного представления по зависящим от виновного причинам: лицо неверно предполагает, что им полностью выполнена объективная сторона желаемого преступления. Подобное неправильное представление происходит вследствие неверной оценки сознанием виновного явлений и событий окружающего мира.
- (2) В результате допущенного неверного представления виновный совершает другое преступление, не охватываемое его умыслом, однако этот факт виновным не осознается (вторая особенность).
- (3) Содеянное всегда характеризуется причинением вреда общественным отношениям, однако нарушается норма, не охватываемая сознанием виновного. То есть в деянии можно выявить наличие признаков (не всех) и того преступления, которое охватывалось умыслом виновного, и отдельных признаков состава иного преступления, объекту которого в действительности причинен вред.

Способность человека анализировать и оценивать свои поступки и намерения (самосознание) тесно связана с возникновением у него ответственности за свои действия, поскольку при совершении того или иного деяния у каждого психически здорового человека есть реальная возможность оценить его противоправность. Именно это свойство сознания обусловило выделение интеллектуального элемента вины: лицо осознает или имеет возможность осознавать все юридически значимые объективные свойства совершаемого деяния.

При фактической ошибке виновный осознает противоправность своих действий, при этом данная ошибка может возникнуть только тогда, когда лицо действует с прямым конкретизированным умыслом и точно представляет себе определенный результат своих действий (бездействия).

В данном контексте Т.И. Безрукова отмечает: «Если же лицо, например, безразлично относится к последствиям, которые могут наступить в результате совершенного им деяния (косвенный умысел), либо предполагает наступление одного из нескольких возможных последствий (неконкретизированный умысел), ошибка невозможна: наступившее в действительности последствие охватывалось сознанием виновного, в то время как фактическая ошибка представляет собой неверное представление лица о наступлении желаемого преступного результата» [2, с.18]. Следуя логике цитируемого автора, фактическая ошибка наличествует, когда субъективная сторона преступления выражена в форме прямого конкретизированного умысла, то есть когда виновный точно знает, какое преступное деяние он желал совершить (в отношении этого деяния он полагает свои действия (бездействие) полностью завершёнными, а преступный результат наступившим). По нашему мнению, такой подход является абсолютно правильным и помогает устранить погрешности в правоприменительной деятельности.

В уголовно-правовой доктрине встречается множество классификаций фактических ошибок. Так, Н.С. Таганцев классифицирует фактические ошибки *по их содержанию* на (1) фактические ошибки, относящиеся к деянию и его последствиям, и притом или к отдельным фактическим условиям совершенного, или к установлению взаимного отношения этих условий, к выводам из фактов; или же (2) фактические ошибки, относящиеся к предположениям об основаниях деятельности, к ее мотивам [4, с.232-233].

Ошибка первого рода, по Н.С. Таганцеву, возможна:

- (1) Относительно *объекта посягательства*, его физических свойств, его общественного и государственного положения и т.д.; такова, например, ссылка обвиняемого в убийстве на то, что

он предполагал, что предмет, лежавший под кустом, в который он стрелял, был заяц, а не человек; ссылка обвиняемого в растлении малолетней с ее согласия на то, что он полагал, что девушке, вступившей с ним в связь, давно уже исполнилось 14 лет, и т.д.;

- (2) Ошибка может относиться *к обстановке преступного деяния*, как, например: а) к месту действия, когда обвиняемый в святотатстве ссылается на то, что он не знал, что место, из которого он совершил кражу, есть часовня или временное церковное хранилище; б) ко времени совершения, когда обвиняемый, ссылаясь на несвоевременное освещение улицы, оправдывается тем, что он не знал, что наступил требуемый час; в) к средствам и способам действия, когда обвиняемый в отравлении оправдывается тем, что он не знал, что использованное им вещество было ядовитым и т.д.
- (3) Ошибка может относиться *к причинной связи явлений*, к тем изменениям, которые учиненный поступок может вызвать в окружающем мире, когда, например, лицо, обвиняемое в поджоге, ссылается в свое оправдание на то, что оно не знало, что от трения данного предмета произойдет воспламенение или что от прибавки данного вещества к известному составу произойдет взрыв [4, с.232-233].

И.М. Тяжкова придерживается более упрощенной системы фактических ошибок, как то: 1) ошибки в объекте и 2) ошибки относительно признаков объективной стороны состава преступления [5, с.352].

Правовед Т.И. Безрукова отстаивает идею о том, что совершенное в условиях фактической ошибки деяние должно быть квалифицировано как оконченное преступление по направленности умысла [2, с.11]. По нашему мнению, такой категоричный подход является неверным, а в процессе квалификации фактической ошибки надлежит придерживаться следующего алгоритма:

- (1) фактические обстоятельства, которые не осознавались лицом при совершении умышленного преступления, не могут быть вменены ему в вину;
- (2) если будет установлено, что лицо должно было и могло предвидеть фактические обстоятельства, которые им не осознавались при совершении преступления, виновный подлежит уголовной ответственности за неосторожное преступление, если это предусмотрено уголовным законом, в противном случае, если лицо не имело возможности избежать ошибки в фактических обстоятельствах, уголовная ответственность исключается;
- (3) преступление, не доведенное до конца по причине фактической ошибки лица в объективных признаках состава преступления, может быть признано покушением на совершение преступления с указанными обстоятельствами, если лицо действовало умышленно.

Исходя из вышеизложенного полагаем целесообразным дополнить действующее уголовное законодательство Республики Молдова самостоятельными статьями следующего содержания:

«Статья 20¹. Юридическая ошибка

(1) *Юридическая ошибка – это неверное знание, полученное лицом под влиянием заблуждения относительно юридических обстоятельств совершаемого им деяния.*

(2) *Деяние лица, добросовестно заблуждавшегося относительно наличия уголовно-правовых запретов, вредоносность которых не является очевидной, исключает уголовную ответственность ввиду отсутствия вины.*

«Статья 20². Фактическая ошибка

(1) *Фактическая ошибка – это неверное знание, полученное лицом под влиянием заблуждения относительно объективных признаков состава преступления.*

(2) *Преступление, не доведенное до конца вследствие фактической ошибки лица в объективных признаках состава преступления, признается покушением на преступление, которое охватывалось умыслом лица.*

(3) *Если лицо должно было и могло предвидеть фактические обстоятельства, которые им не осознавались при совершении преступления, оно подлежит уголовной ответственности за неосторожное преступление, если это предусмотрено уголовным законом.*

(4) *Объективные признаки состава преступления, которые не осознавались лицом при совершении умышленного преступления, не могут быть вменены ему в вину.*

Литература:

1. АЛИЕВ, З.Г. *Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение* / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии Сургутского государственного университета ХМАО-Югры. Москва: Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2007. 22 с.
2. БЕЗРУКОВА, Т.И. *Фактическая ошибка: вопросы классификации и квалификации* / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2008. 30 с.
3. СПИРИДОНОВА, Л.Э. *Уголовно-правовое значение фактической ошибки при квалификации преступлений против жизни* / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Работа выполнена на кафедре уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва: ФГБОУ ВПО «Российская Академия правосудия», 2013. 34 с.
4. ТАГАНЦЕВ, Н.С. *Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. В двух томах. Том 1.* Москва: Наука, 1994. 380 с. ISBN 5-02-012940-2
5. ТЯЖКОВА, И.М. Глава X. Субъективная сторона преступления. В: *Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов.* / Под редакцией д.ю.н., проф. Н.Ф. Кузнецовой и к.ю.н., доц. И.М. Тяжковой. Москва: Зерцало, 1999. 592 с. ISBN 5-8078-0039-7
6. ФАТКУЛЛИНА, М.Б. *Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации* / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Работа выполнена на кафедре уголовного права Уральского юридического института МВД России. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2001. 21 с.
7. *УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХЪ УГОЛОВНЫХЪ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ.* Санктпетербургъ: Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою. Петергофъ, 15 августа 1845. 922 с.

Prezentat la 05.02.2014